

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

МАРИЯ ТЕНИШЕВА

Впечатления моей жизни

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
Т33

Тенишева М.

Т33 Впечатления моей жизни / Мария Тенишева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 479 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

«Впечатления моей жизни» — воспоминания меценатки, основанные на 35 тетрадях дневников и впоследствии дополненные и доработанные. Они охватывают интереснейший период в истории дореволюционной культуры — с середины 1860-х годов до новогодней ночи 1917 года. Героями книги стали светлейшие умы эпохи, знакомством с которыми судьба щедро одаривала Тенишеву: Репин, Тургенев, Чайковский, Святополк-Четвертинская, Мамонтов, Врубель, Коровин, Рерих, Бенуа, Дягилев, Малютин, Серов и многие другие.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-09474-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

I

Раннее детство. Первые впечатления

Раннего детства туманное видение.

Как сквозь сон растут неясные образы, мелькают отрывочные картины. Все смутно, неопределенно.

Я боялась матери, трепетала перед ней. Ее черные строгие глаза леденили меня... Мне было жутко...

Опять туман.

Снова смутная картина... Мерещится в слабой памяти что-то странное... Я проснулась на руках незнакомого человека. Несут меня куда-то в рубашонке. Мне холодно... Кругом темно. Потом новые лица, высокие комнаты, необозримо большие... Старушка, бабушка какая-то, ласкает меня, а больше всех ласкает — незнакомый человек. Он очень любит меня, играет, сказки рассказывает...

Потом что-то случилось: незнакомого человека нет... Я его больше не вижу. А и он полюбился мне...

Еще рисуется в памяти: огромный тенистый сад, между толстыми стволами деревьев густые заросли... Тишина... Солнце теплыми пятнами проникает туда.

Я играю у балкона, но меня манит в эту темную гущу: там так таинственно... С каждым днем я делаюсь смелей. Все чаще и дальше ухожу туда, вглубь...

Робкими шагами, на цыпочках, с затаенным дыханием, я пробираюсь, прислушиваясь к каждому шороху, вздрагивая от всего: хрустнет ли под ногой сучок, вспорхнет ли испуганная птичка — все пугает, сердце замирает — жутко... Иногда страх до того заберет, что я опрометью бегу обратно, в ушах шумит, дух замирает... Кудрявые волосы цепляются за ветки, а я бегу, бегу, задыхаясь...

Иногда меня с балкона зовут — надо бежать назад: не хочется, чтобы кто-нибудь знал мое убежище, это — моя тайна.

Понемногу густые липовые заросли сделались моими друзьями. Я привыкла к ним, мне в этой глухой чаще так хорошо, покойно.

Есть у меня там любимое местечко: пенушек. Я сажусь на него и слушаю... Слушаю, как кругом что-то дышит, копошится, живет... Там птички, букашки. Они привыкли, не боятся меня... Я люблю все это, я счастлива...

У меня есть друг: кукла Катя, которой поверяются на ухо все тайны. Иногда я бью ее, но тут же со слезами целую, прошу прощения. Все говорят: Катя страшная, волос почти нет, нос подбит. Я не верю, это невозможно. Катя для меня красавица! Кроме Кати у меня много нарядных кукол, тех я не люблю. Раз с одной из них я вышла в сад, а там бабы метут аллеи.

«Ах, барышня, какая у тебя цаца... Подари ее мне». Я отдала. Другая баба пристала: «Дай ты и мне тоже цапочку». Я сбегала за другой, и так пока всех не отдала — конечно, кроме Кати.

Вечером, ложась, я должна прибирать игрушки — гувернантка заставляет. Хватились — кукол нет. Допрос... Гувернантка повела к матери. Мать очень рассердилась, высекла.

По воскресеньям меня посылали в церковь, в двух верстах от нас, стоящую на высоком берегу озера Маги*, окруженную белой каменной оградой. Молиться, сосредоточиться в церкви я еще не умела, но в церковь я ездила очень охотно. Меня манило туда одно зрелище, неизменно каждый раз возбуждавшее мое любопытство, поглощавшее меня всю. Я ждала его всегда с нетерпением. Это был деревенский дьячок, который особенно странно пел. Во время всей службы я ждала только этого одного момента, который раз навсегда приковал мое внимание — ни до ни после для меня ничто не существовало. Раскрыв рот, вытаращив глаза, я впивалась в дьячка, когда он, высокий, сухой, сутуловатый, с козлиной бородкой, в засаленном подряснике, вероятно глуховатый, заткнув ухо одной рукой, другой поддерживая себя за локоть, беззубый, запекшимися губами, каким-то дубовым, режущим голосом на всю церковь выводил: «Всякое ны-ы-ы-не от... (вздохал)... ложим по... (делалось ударение на „по“ и опять вздыхал)... пиче-е-ние... от-ло-о-жим по... (вдох)... пиче-е-ние... и живот (вдох)... варя-а-ащий...» и т. д.

После обедни батюшка всегда приглашал мою гувернантку Софью Павловну пить чай, а мне предоставлялась свобода, и я шла за каменную ограду погоста играть с Дуней, племянницей священника, тихой, хорошенькой девочкой моих лет. Мы гуляли, бегали, собирали землянику на могилах. В то время носили кринолины — конечно, моя мать одевала меня по моде, — но так как кринолин очень стеснял мои движения в играх, то я каждый раз старалась от него осво-

* Новгородской губернии. Ныне находится на территории Тверской области. — *Примеч. ред.*

бодиться, преспокойно вешала его на один из крестов и тогда уже беззаветно отдавалась веселью.

Еще вспоминается... Я больна, лежу в своей кровати под белым кисейным пологом. Давно ли лежу, не помню. Мне очень неможется... Голова горит, то холодно, то жарко, то дремлет... Очнусь — мысли путаются, ничего не помню... В комнате полумрак. Лампадка теплится. Няня спит на огромном клеенчатом диване, на котором я люблю скакать... Иногда зову няню шепотом. Та не слышит. Я безропотно смиряюсь. Опять лежу, гляжу и куда-то уйду, точно потухну...

Раз в такую пору, когда лампадка тихо, тихо теплилась, я лежала с полузакрытыми глазами... Вдруг над моей головой послышался шорох... Подняла глаза и обмерла: стоит надо мною мать, отодвинув рукой занавеску... Черные глаза холодно глядят. Другой рукой она провела по моему горячему лбу, медленно нагнулась... долго глядела на меня и тихо поцеловала...

Что-то дрогнуло во мне, сердце сладко защемило. В порыве небывалого счастья, обвив руками шею матери, я страстно прижалась к ее щеке воспаленными губами...

Это длилось мгновение...

Мать тихо освободилась, провела по лицу душистой рукой со множеством колец и повелительным голосом дала няне приказание.

Она ушла... с нею счастливое видение.

Это был, кажется, единственный раз в моей жизни, что я обняла свою мать. Она никогда меня не ласкала.

Еще... У меня есть брат, большой, ему 15 лет. Он всегда грустный, редко со мной играет. Всего чаще он плачет. Мне его жаль. Мать его постоянно бранит, наказывает. Он тоже ее до ужаса боится.

Раз, вероятно, он очень провинился. Мать на него страшно сердилась, кричала. Потом, взяв за волосы, потащила в другую комнату, а там, кажется, очень наказала. Он долго жалобно плакал, о чем-то молил... Потом брат уехал. Я никогда в жизни его больше не видала.

Еще отрывочное воспоминание...

Помнится мне, меня подолгу отпускали гостить к одной в то время важной старушке, у которой стекалась вся Москва, княгине Вадбольской. Мне было весело в ее огромном доме с бесконечной анфиладой комнат, где привольно было бегать и играть. В конце анфилады была большая зала с органом. Его заводили для меня, я любила его слушать. Свет падал с двух сторон в эту залу, солнце заглядывало то с одной стороны, то с другой, ложась на полу яркими четырехугольниками, а я, играя, воображала себя мореходцем, что зала — это море, а освещенные места — острова, будто я на корабле плыву и к ним пристаю.

Я называла княгиню бабушкой и страшно ее любила. Она была очень важная, всегда окружена, всегда в черном шелковом платье и чепце. Все, кто приезжал к ней, целовали ее ручку.

Когда я гостила у нее, она клала меня спать в своей комнате, и когда мы просыпались, начиналась игра — перебрасывание маленькими подушечками; смех, шум поднимался страшнейший... Самое же веселье было, когда бабушка целым караваном поднималась ехать в баню.

В то время даже в самых богатых домах не было того комфорта, какой мы имеем теперь: ванну при каждой квартире, с проведенной теплой водой и всеми усовершенствованиями. Бабушка, как и все важные

дамы того времени, ездила в баню. Это было целое событие. Запрягались огромные кареты, ехали горничные с тазами, бельем, и вся эта компания отправлялась в путь. В бане бабушку встречали с почетом, как постоянную старинную гостью, ей отводилось лучшее помещение в несколько комнат. Бабушка сама мыла мне голову, а после этого я лежала на диване, мне давали что-то прохладительное. Я очень любила сборы в баню. У меня была своя маленькая шайка. Назад все возвращались красные, довольные, с распухшими, как мне всегда казалось, лицами.

В этом доме я видела еще несколько раз того человека, который нес меня однажды на руках и который так меня ласкал...

Помню, раз мы только что приехали из-за границы. Путешествовали тогда тоже не так, как теперь. Путешествие было долгое, бесконечное, утомительное.

У моих родителей был дом в Москве на Арбате, в Калошином переулке. Мы приехали туда, и меня, измученную дорогой, скорей уложили спать в моей комнате во втором этаже вместе с няней. Я заснула как убитая. Но вдруг ночью поднялся шум, беготня разбудила меня. В эту минуту в комнату вбежал какой-то молодой человек, схватил меня с постели и понес. Дом горел. Мы очутились на улице, в толпе. Он спросил меня, куда я хочу, чтобы он меня отнес. Я сейчас вспомнила о бабушке и сказала: «Хочу к бабушке». «А где ваша бабушка живет?» — спросил он. Я твердо помнила дорогу к бабушке и назвала улицу и дом. Мы сели на извозчика и поехали. Но ни он, ни извозчик не знали Москвы, и я показывала дорогу, говорила, где направо, где налево, и таким образом мы подъехали к бабушкиному дому на Большой Никитской.